

Карел Чапек   **О ЗАЧАРОВАННОМ**
НИЩЕМ

Карел Чапек

О ЗАЧАРОВАННОМ НИЩЕМ

Перевёл с чешского Геннадий Кофанов

Если вам, ребята, кто-нибудь скажет, что в сказках нет никакой правды, то вы этому не верьте. Правды предостаточно. Вот и моя бабушка, дай ей пан Бог вечной славы, собственными глазами видела королеву змей. И у нас в Упе и в Метуе¹ жил настоящий водяной. И собаки-русалки, о которых я уже рассказывал², таки действительно существуют, это вам подтвердит и пан Йирасек³, который написал немало книжек, в том числе и относительно собачек. Да и здесь, в Праге, есть один большой дом, именуемый парламентом, и там собираются чудотворцы, или, иначе говоря, чародеи, и мощно чудят. Скажет один из них заклинание «чары-мары-фук», и как начнут вам летать в воздухе жареные голуби⁴! А другой выкрикнет «эники-беники», и те жареные голуби вмиг

---

¹ Упа и Метуе – небольшие реки в Чехии. (Примечание переводчика).

²

Собаки-русалки действуют в «Собачьей сказке» Карела Чапека, опубликованной впервые ровно за год до первой публикации сказки «О зачарованном нищем». (Примечание переводчика).

³

Чапек иронизирует по поводу известного чешского писателя Алоиза Йирасека (1851 – 1930), который, кроме прочего, писал патристические произведения мифологически-легендарного направления, отчего заслужил у некоторых критиков репутацию сочинителя небылиц и фальсификатора. (Примечание переводчика).

⁴

Намёк на чешскую поговорку «Жареные голуби не летят в рот». Жареные голуби – популярное в Чехии блюдо. (Примечание переводчика).

исчезнут, даже духу их не будет. Вот так те чудотворцы или депутаты чуют себе друг против друга на своих заседаниях, а заседаний-то и не видать. И это святая правда, ребятки, даже ваши папы вам это подтвердят. Также есть в Праге одна чудесница, которая предсказывает будущее. И я сам знаю одну русалку со звёздными глазами. Из этого вы можете видеть, что сказки действительно существуют, а кто этому не верит, тот не смей читать дальше.

Итак, жил-был один нищий, который в одном кармане имел дырку, а в другом даже и того не было; это и всё его имущество. К тому же бедолага был немой, со вшами в седых волосах и такой бедный, что его нигде даже переночевать не пускали; кое-как ему иногда подавали заплесневелую краюшку хлеба, а нищий даже поблагодарить не мог, только чудно смотрел ясными добрыми синими глазками и брёл себе дальше. А что до сна, так боже мой, где-то есть сено, а где-то — солома; а когда уж совсем нечем было прикрыться, в крайнем случае накрывал себе нищий глазки морщинистыми веками — вот всего и делов.

Спит себе как-то этот немой нищий в пустой сторожке и сдаётся ему, что он в раю; такая вещь может присниться и бедному человеку. И пока он так спал, притопал ничтожный воришка, чтобы также заночевать в этой будке. Лезет он внутрь и нащупывает в темноте нищего. Знать это коллега, — думает себе и сразу же обшаривает у нищего карманы — нет ли там золотых цепочек или бриллиантовых перстней после кражи. И в одном кармане нашёл он дырку, а в другом и того не было. А этого, ребятки, маловато даже для истощавшего воришки. Так что ничего он из карманов не взял, даже дырку и ту оставил нищему. И лёг в другом углу сторожки, чтобы хотя бы выспаться.

Лежит воришка и никак не может заснуть. Видать, совесть у него не чиста. Итак, лежит он себе, и о диво: вдруг в сторожке как засияло красиво, аж у воришки ком в горле от такой красоты! И в этом таинственном сиянии появились три

белые старушки. Воришкой овладел страх, съёжился он в уголке и стал такой махонький, будто кучка пепла, словно сухая былинка, или ничто, сложенное втрое. А три старушки склонились над спящим немym нищим, и первая из них сказала:

— Смотрите, сёстры, как спокойно спит самый бедный в мире человек.

— Человек этот самый бедный, — сказала вторая, — да найдёт он место, где наибольшее в мире сокровище.

— Но только после смерти, — добавила третья.

Трижды свёрнутое ничто в уголке — ничтожный воришка — навострило уши.

— Ага, когда уже его похоронят, — сказала первая старушка.

— И именно на том месте, где его похоронят, будет находиться самое большое в мире сокровище, — добавила вторая.

— Так суждено! — закончила третья.

— А где его похоронят? — выскочило вдруг из воришки, и он тут же о том пожалел, ибо не успел даже договорить, как три старушки мгновенно исчезли. Осталось после них только странное, волшебное и тоскливое сияние, от которого аж ком в горле, и в том сиянии тихо, спокойно отдыхал во сне немой нищий.

Воришка сел и призадумался. Значит, так суждено, что этот вот дед когда-то будет похоронен там, где закопан самый большой в мире клад. Вечно тут сидеть не будет, утечёт, как пар из котелка. Я теперь уж от него не отстану; буду всюду ходить с ним, а когда наконец помрёт, то увижу, где его похоронят, именно на том месте буду копать и найду клад. Людишки, я ведь хитрый! С такой-то хитростью даже воровать как-то не к лицу; такому хитрецу, как я, подойдут дела почище. Найду тот клад и куплю себе автомобиль, власть, шубу и золотые перстни. А если какой-нибудь ворюга придёт обокрасть меня, не дай бог, то я уж задам ему, ох и

задам! Что, ты, проходимец, ты, душегуб, ты, воровская рожа, у меня мои перстни воровать?! Марш на виселицу! Ага, — говорил себе воришка, — так всё и сделаю, пусть только дед помрёт и я найду клад там, где его похоронят.

На рассвете вытер немой нищий кулаком сон с синих глазок, а воришка к нему: кто ты, дескать, такой, откуда и куда идёшь и так далее. Конечно, немой дедушка не мог ответить ни на один вопрос, лишь смотрел добрыми синими глазками.

— Знай же, немота бессловесная, — сказал воришка, — что я теперь всюду буду ходить с тобой. А попытаешься от меня удрать, так я тебя отлуплю, ей-богу отлуплю, понял? Иди же по белому свету, куда глаза глядят!

И шёл нищий от села к селу, а воришка рядом, вслед за ним, чтобы не потерять из виду. Шёл старик от двери к двери; где-то давали ему кусочек хлеба, а где-то только оскорбляли; оскорбления воришка оставлял нищему, а хлеб забирал и съедал сам. Иногда воришка крал курицу или кролика, жарил для себя на огне, а дедушке не давал и косточки облизать. Пусть помрёт от голода, — думал, — тогда я быстрее найду тот клад. А немой старичок не умирал. Шёл себе от деревни к деревне, а воришка — шаг в шаг за ним. И так прошли они со временем весь белый свет.

Однажды брели по большому чёрному лесу, и была ночь, и была зима. В полночь дошли до уединённой лесной харчевни. Дедушка-нищий постучал в дверь, и харчевник Йира пришел её отпереть. А был тот Йира разбойником. Старичок попросил жеста, чтобы Йира пустил его где-нибудь переночевать: на чердаке там или в хлеву, но Йира лишь грозно выругался и захлопнул дверь перед старым нищим. Старичок оглядывается и видит собачью конуру, где лежит огромный пёс (а был то кровожадный волкодлак⁵). Но дедушка совсем ничего не боится, и лезет в будку. А тот лютый волкодлак грациозно встаёт, машет хвостом и пускает

---

⁵ Волкодлак или вовкулака — в поверьях славянских народов — оборотень, являющийся то волком, то человеком. (Примечание переводчика).

старичка в свою тёплую конуру. Тогда говорит себе воришка: «Ну так я тоже там лягу». И суётся к будке. Но волкодлак как выскочит, как оскалит зубы, как зарычит, будто хочет вцепиться ему в грудь; а если бы вцепился, ой, ребятки, то был бы чудовищный укус! Воришка мигом отскочил к двери харчевни и давай в неё колотить. Разбойник Йира отворил и гнусно так спрашивает, чего надо.

— Умоляю вас, хозяин, — лепечет воришка, — пустите меня в дом, а то меня этот ваш пёс сожрёт!

— Так плати! — сказал Йира.

— Я заплачу — воскликнул воришка, — как только выкопаю клад!

Как Йира это услышал, сразу хватить воришку за шиворот: давай, дескать, выкладывай, какой-такой клад и где. Хошь не хошь, а пришлось воришке открыть, как видел тех трёх богинь судьбы, как они пророчили, что на месте погребения немого нищего обнаружится наибольший в мире клад. Ну и, понятно, Йиру это чрезвычайно заинтересовало. Пятикратно его обо всём расспросил, а затем запер воришку в чулане, закатал рукава, поплевал на ладони и стал размышлять.

Пойду я, — сказал себе, — с этим нищим, дождусь его смерти, посмотрю, где его похоронят, и тогда выкопаю сокровище. За это сокровище я куплю себе замок, и один чулан нём будет полон дукатов. А позарятся на моё добро разбойнички, бандиты-гангстериты, так я их укокошу.

Думал о том аж до утра. Утром отрезал себе большущий шмат сала, положил в котомку и ждёт, когда нищий проснётся и продолжит путь, чтобы идти за ним. Дедушка пробудился, погладил волкодлака, промыл глазки и побрёл по дороге дальше. Разбойник Йира — вослед.

Между тем воришка оставался запертым в чулане. Утром его обуял страх, как бы ему не потерять деда. Он сделался тонким, тонюсеньким, как конский волос, и протиснулся сквозь замочную скважину наружу. И увидел, что дед уже уходит, и Йира вослед. Побежал воришка за ними, но Йира

вытащил из-за пояса страшный мясницкий нож и погрозил ему:

— Человече, иди себе другой дорогой, а то я тебя — чик-чик — порежу!

Воришка испугался, попятился и соображает, как бы отомстить Йире за кражу деда.

Дедушка шёл от деревни к деревне и просил куска хлеба. Разбойник Йира — рядом, в шаге от него, не отводя кровожадных глаз. Уже и полдень, а дедушка не выпросил ни корочки. Сидит на обочине дороги и от голода дрожит, как сухой листочек. Сел и Йира, вытащил из мешка сало, отрезал увесистый шмат и тут же его умял, а дедушке не дал даже кожицы от солонины. Так и пошёл голодный старичок дальше, но до вечера никто не дал ему ни доброго слова, ни сухой картофелины. А когда пришла ночь, лёг он в каком-то сарае, закрыл синие глазки и уснул. Йира сидит на пороге и кусает очередной здоровенный кусок сала. А зачем мне за ним бегать, думает; вот зарежу его, закопаю мёртвого где угодно, на том месте и будет клад, раз уж так суждено. Вытащил нож, плюнул на него и стал острить о брусочек. Попробовав острие на ногте, он снова плюнул на лезвие и продолжил точить так, что аж свистело. Потом снова испытал на ногте и опять острить...

А воришка тем временем побежал в ближайшую деревню и, чтобы навредить Йире, выболтал тамошним жителям, что он нашёл зачарованного нищего, что там, где этого нищего похоронят, лежит сокровище, и что разбойник Йира идёт за тем дедом, чтобы выкопать клад. Услыхав такое, каждый мужик сказал себе, что тоже пойдёт за кладом. Каждый взял котомку, запихнул в неё буханку хлеба или копчёности, схватил мотыгу или лопату и айда за дедом.

Йира между тем точил нож, чтобы немного бродягу зарезать. Когда в третий раз плюнул на острие и в третий раз стал острить, так что аж искры полетели, то поднял голову и увидел вокруг только якобы тлеющие угольки. Это были

алчные, пылающие глаза тех, что прибежали выкапывать клад. Тьфу ты! — сказал себе Йира. — Убью и закопаю я этого деда, а они потом шуганут меня отсюда и сами выкопают сокровище. Так я не играю! Сказал себе так Йира, закончил точить нож и как ни в чём ни бывало отрезал ещё один кусок сала. Старичок тихо спал. А все те, кто пришли за ним, не спали, боясь, чтобы кто-то другой не утащил деда в мешке и не закопал где-нибудь тайно. Так сидели они вокруг сарая, зырая друг на друга налитыми кровью глазами и ошетилив бороды.

Утром старичок проснулся и даже не удивился всем этим людям; промыл себе росой глазки да и пошёл дальше. А толпа следом за ним, и каждый проталкивался поближе к дедушке. До полудня нищий снова не выпросил ни корочки хлеба, сел на камень и дрожал, будто стебелёк на ветру. Все сели вокруг, достали из котомок запасы и ели, а ему не подал никто и крошки. А когда снова ночью старичок лёг спать, все сидели вокруг, как волки, сверкали друг на друга пылающими глазами и скрежетали зубами, будто хотели кусаться. Тихо-тихохонько, будто дитя, спал среди них дедушка.

И так было и на следующий день, и на третий, и на четвёртый и так далее. А людей с каждым днём прибывало и прибывало. Всяк шёл за кладом, ожидая смерти немого дедушки. И все ненавидели друг друга в этом странствии, и всяк перебил бы остальных за это сокровище. Каждому не терпелось, и он пожирал других волчьими глазами, шипел, будто змей, и щёлкал зубами. Была среди них голь перекатная, жаждущая разбогатеть, были воры и разбойники, а были также и зажиточные люди, которые стремились ещё больше разжиться; эти ехали за дедом на телегах и каретах, чтобы было на чём перевезти те сокровища домой. Богатейшие же даже не шли за старичком сами, а наняли себе для этого служивых и детективов, и самые знаменитые из детективов ехали за ним на автомобилях; и каждый хотел присутствовать при смерти и похоронах нищего. Это уже была вереница из

многих тысяч людей, а во главе шёл с кривым посошком в руке сгорбленный немой старичок с синими глазками. Всюду запирали двери и ворота, когда видели эту странную орду, и никто уже не давал старцу ни кусочка хлеба. Поэтому день ото дня дедушка становился всё меньше и суше, и лишь глазки его становились всё синее и синее, будто взирали с неба.

Когда где-то садился старичок — все тоже садились вокруг и ели, а ему не давали. Зачем кормить его, думал каждый; и так ему уже давно следовало бы помереть и быть похороненным. Но старый нищий не умирал, хотя и был уже почти как тень. А ночью, когда он спал, тысячи злых глаз светились вокруг красными и зелёными огоньками.

Как-то старичок заночевал под открытым небом в стогу соломы среди широкого поля. Сидят вокруг тысячи людей и следят. Кони, запряжённые в возы, роют копытами, ворчат автомобили, скрежещут друг на друга зубами неподвижные люди. И вот самые отъявленные из тех, что шли за кладом, сговорились убить старичка этой ночью и порубить его на куски. Потом, дескать, каждый возьмёт кусок его тела и похоронит где-нибудь, чтобы на том месте выкопать сокровище. Схватили они ножи да и пошли на дедушку.

В то мгновение сошёл с неба огненный ангел и подарил старичку смертельный поцелуй. Стог соломы вспыхнул аж до неба и жутко озарил тысячи лиц, бледных от ужаса и алчности. Не успели все опомниться, как стог сгорел дотла, а с пожарища поднялся вверх огромный столб пепла и окружавшим людям запорошил глаза. Был то пепел мёртвого дедушки.

Он ужасно пёк людям глаза, и все вокруг были надолго ослеплены. Но боль исподволь утихала, слепота вытекала со слезами, и помалу исчезали из человеческих глаз красные и зелёные огоньки. Люди удивлённо смотрели друг на друга. Увидели они в себе жадность и эгоизм, которые погнали их за сокровищем, и так устыдились, что готовы были провалиться

сквозь землю. Каждый видел в глазах другого, что ему стыдно и что хочет он жить иначе, лучше. Заглянули один в другого аж до сердца, где просыпались жалость и нежность. Перестали видеть друг в друге врага, а разглядели человека. Это было новым для всех, все вдруг постигли, что их глаза очарованы пеплом немого дедушки. Увидели они теперь и прекрасные звёзды на небе, красивее всякого золота, увидели и добрые стороны в душах людей, а если видели недобрые, то это вызывало в них сожаление, а не злость. Так действительно нашли они величайшее сокровище там, где был нищий дедушка похоронен — в собственных глазах и их добром взоре.

С тех пор давно те люди разбрелись по всему свету, но до сих пор у них тёплые очарованные очи, которыми могут узреть всё, что есть прекрасного и доброго в жизни. Иногда встретите такого человека, он на вас просто взглянет, а вам хорошо, будто сказали вам что-то приятное. Вот есть в Праге один полицейский, который тогда был детективом, что также шёл за тем кладом, так после того, как ему глаза запорошило пеплом немого дедушки, у него очарованные очи. Стоит на своём месте и наблюдает, как вокруг ходят люди; в каждом видит добрую и святую искорку, только приглашенную и забытую. Вокруг него ездят трамваи и автомобили, люди торопятся за сокровищами и ежедневными мелочами жизни, и никто не задумывается, есть ли вокруг него что-то доброе и прекрасное. Но полицейский смотрит и видит, что в людях сокрыто, и он бы вам также засвидетельствовал, что сказки действительно существуют, и среди нас и в нас самих.

Газета «Národní listy», Прага, 25 декабря 1920 года.

Оригинал

Karel Čapek

O ZAČAROVANÉM TULÁKOVI

A kdyby vám, děti, někdo řekl, že pohádky nejsou žádná pravda, tak mu nevěřte. Jsou pravda a dost. Vždyť má babička, dej jí Pánbůh věčnou slávu, viděla na vlastní oči hadí královnu, a u nás v Úpě i v Metuji byl opravdu vodník, a psí rusalky, o kterých jsem jednou vypravoval, také opravdu jsou, to vám dosvědčí pan Jirásek, co napsal tolik knížek, a takové svědectví něco vydá; říká se jim vyžlata. Vždyť i tuhle v Praze je jeden veliký dům, Rudolfinum se jmenuje, a tam se scházejí kouzelníci čili čarodějové a mocně čarují; když jeden z nich řekne “čáry máry fuk”, lítají vám pečení holubi ve vzduchu, a když druhý vykřikne “enyky benyky”, zmizí ti pečení holubi a nenechají po sobě ani smrádku; tak ti kouzelníci neboli poslanci pořád čarují proti sobě a pořád není nic vidět; a že tohle je svatá pravda, dosvědčí vám i váš tatínek. Také je v Praze jedna kouzelnice, která prorokuje budoucnost, a já sám znám jednu rusalku s hvězdovými očima. Z toho vidíte, že pohádky opravdu jsou, a kdo tomu nevěří, nesmí dál číst.

Byl tedy jednou tulák, v jedné kapse měl díru a v druhé ani tu ne; to byl jeho celý majetek. K tomu všemu byl chudák němý a měl vešky v šedivých vlasech a byl tak bídny, že ho nikde ani přespát nenechali; taktak že mu někdo dal plesnivý kousek chleba, a tu ten tulák ani poděkovat nemohl, jen se tak divně a přepěkně koukl světlocne modrými očima a šel zase dál. A co se dotýče spaní, nu bože, někde je seno, někde je sláma; a když už dočista nebylo čím se přikrýt, přikryl si tulák aspoň očička vrásčitými víčky a šlo to také.

Spí tak jednou ten němý tulák v prázdné hlídačově budce a zdá se mu kdesi cosi, snad že je v ráji; taková věc se může zdát i chudému člověku. A co tak spí, nahodil se tu človíček zlodějíček a chtěl také přespat v té budce. Leze vám dovnitř a nahmatá potmě tuláka. Snad to je kolega, napadne ho, a hned sahá tulákovi do kapes, nemá-li tam zlaté řetězy nebo diamantové prsteny z nějaké krádeže. V jedné kapse najde díru a v druhé docela nic; to, děti, je tuze málo i pro vychrtlého zlodějíčka, a tak ten taškář nechal tulákovi v kapsách to nic a tu díru a lehl si na druhou stranu budky, aby se aspoň vyspal.

Leží zlodějíček a nemůže hnedle usnout; to jistě neměl čisté svědomí. A jak leží, dělá se v boudě divné, spanilé světlo, že se až hrdlo svíralo tou krásou, a v tom tajemném světle se zjeví tři bílé stařeny. V zlodějíčkovi hrklo leknutím a on se udělal ve svém koutě maličký jako hromádka popela, jako suché stéblo, jako třikrát složené nic, aby ho nikdo nenašel. Ale ty tři stařeny se naklonily k spícímu němému tulákovi a první z nich řekla:

“Sestry, jak pokojně spí nejchudší člověk na světě.”

“Nejchudší člověk,” řekla druhá, “a přece najde místo, kde je největší poklad na světě.”

“Ale až po své smrti,” dodala třetí.

Třikrát složené nic, maličký zlodějíček, zastříhal ušima.

“Ano, až bude pochován,” řekla první stařena.

“Neboť právě na tom místě, kde bude pochován,” pravila druhá, “je uložen největší poklad na světě.”

“Tak je souzeno,” dokončila třetí.

“A kde bude pochován?” vylítlo najednou ze zlodějíčka, ale hned toho litoval: sotva to dořekl, tři stařeny sudičky zmizely a zůstalo po nich jen to divné, čarovné, tesklivé světlo, kterým se až hrdlo svíralo, a v tom světle tiše, pokojně oddechoval spící němý tulák.

Zlodějíček si sedl a přemýšlel: Tak tedy je souzeno, že tenhle děda bude jednou pochován na místě, kde je uložen největší poklad na světě. Věčně tu nebude, vždyť je jako pára nad hrncem. Já medle se ho už nepustím; půjdu všude s ním, a až umře,

počkám, kde bude pochován; a zrovna na tom místě pak budu kopat a najdu poklad. Lidičky, já jsem chytrý! S tak velkou chytrostí je zrovna škoda krást; takový chytrák jako já se hodí k lepším věcem. Až najdu ten poklad, koupím si automobil a panství a kožich a zlaté prsteny, a kdyby pak na mne přišel nějaký zloděj, ježíšmankote, já bych mu dal! Co, ty kujóne, ty vrahu, ty ničemo zlodějská, krást mně mé prsteny? Marš na šibenici! Ba jo, řekl si zloděj, to všechno udělám, jen co ten děda umře a já najdu poklad na tom místě, kde bude pochován.

Sotva se rozbřeslo a němý tulák si vytřel spánek z modrých očiček, zlodějíček hned na něj: kdo prý je a kam nyčko jde a kdesi cosi. Némý dědeček mu, to se rozumí, neřekl na všechny ty otázky ani slova, jen se pěkně modře díval.

“Němáku nemá,” povídá zlodějíček, “abys věděl, já teď půjdu všude s tebou; a kdybys mně chtěl pláchnout, tak ti natluču, namouduši natluču, víme? Tak, a teď hybaj do světa!”

Šel tedy tulák ode vsi ke vsi, a zlodějíček pořád na krok za ním, aby ho z očí neztratil. Šel tulák od lidských dveří k lidským dveřím; někde mu dali kus chleba a někde zlé slovo; zlé slovo mu zlodějíček nechal, ale kus chleba mu vzal a snědl sám; někde zlodějíček ukradl kuře nebo králíka a upekl si ho na ohni, ale tulákovi nedal ani kostičky olíznout. Ať umře hladem, myslel si, aspoň budu dřív dědit ten poklad. Ale němý dědeček ne a ne umřít; pořád šel ode vsi ke vsi, a zlodějíček pořád krok za ním, a tak spolu prošli skoro celý svět.

Jednou šli dlouhým černým lesem a byla už noc a byla zima. O půlnoci přišli k osamělé hospodě v lese. Dědeček tulák zatloukl na dveře, a přišel mu otevřít hospodský Jíra, a ten Jíra byl loupežník. Dědeček ukazoval rukama, aby ho Jíra jako nechal někde přespat, na půdě nebo v chlívku; ale Jíra jen hrozně zaklel a zabouchl starému tulákovi dveře před nosem. Dědeček se ohlíží a vidí psí boudu, kde leží ohromný pes, a to byl krvavý vlkodlak. Ale dědeček se docela nic nebojí a šourá se k boudě; a ten zlý vlkodlak pěkně vstane, zamete trochu ocasem a pustí dědu do své teplé boudy. Tu si řekl zlodějíček: A to já si tam také lehnu. A žene

se k boudě. Ale vlkodlak vyskočí, vycení zuby a v prsou mu to začne strašně vrčet, jako by se tam něco chtělo utrhnout; když se to utrhne, bude to, lidičky, ukrutné kousnutí. Zlodějíček honem uskočil až ke dveřím a zabouchal na ně. Loupežník Jíra otevřel a ptal se škaredě, co kdo chce.

“Prosím vás, hospodo,” jekal zlodějíček, “pusťte mne dovnitř, nebo mne ten váš pes sežere.”

“Tady se platí,” řekl Jíra.

“Já vám zaplatím,” křikl zlodějíček, “až vykopu ten poklad.”

Tohle Jíra slyšet, hned chytl zlodějíčka za límec, a ted', jářku, ven s tím, jaký poklad a kde je. Chtěj nechtěj musel zlodějíček vypravovat, jak viděl ty tři sudičky a jak prorokovaly, že na místě, kde ten němý tulák bude pochován, se najde největší poklad na světě. Inu, tohle Jíru přenáramně zajímalo; pětkrát se na všechno zeptal, a pak zamkl zlodějíčka do komory, vyhrnul si rukávy, plivl do dlaní a začal přemýšlet.

Půjdu já s tím tulákem, řekl si, a až umře, podívám se, kde ho pochovají, a na tom místě vykopu poklad. A za ten poklad si koupím zámek, a jedna komora bude plná dukátů; a přijdou-li tam na mne loupežníci, kruci turci, já je zabiju. Na tyhle věci myslel až do rána. Ráno si uřízl půl centu slaniny, dal do pytle a čekal, až se němý tulák probudí a půjde dál, aby šel za ním. Dědeček se probudil, pohladil vlkodlaka, umyl si oči a pustil se po silnici dál. Loupežník Jíra za ním.

Zatím zlodějíček zůstal zavřen v komoře. Ráno dostal strach, aby se mu dědeček neztratil, i udělal se tenký, tenoučký jako žíně a protáhl se klíčovou dírkou ven; a tu viděl, že dědeček už odchází a Jíra za ním. Běžel zlodějíček za nimi, ale Jíra vytáhl z opasku strašný řeznický nůž a ukazoval: Člověče, jdi si jinou cestou, nebo tě šmik šmik podřežu. Zlodějíček se lekl, zůstal pozadu a přemýšlel, jak to udělat, aby se pomstil a aby mu Jíra dědečka neukradl.

Šel dědeček ode vsi ke vsi a prosil o kousek chleba. Loupežník Jíra pořád krok za ním a nespouštěl z něho své krvavé oči. Bylo poledne a dědeček nevyprosil ani kůrčičku chleba; i sedl

si u cesty a třásl se jako suchý list. Sedl si Jíra, vytáhl z pytle slaninu, uřízl dvacet liber a na posezení to snědl; ale dědečkovi nedal ani kůži ze slaniny. Pak šel dědeček dál, a šel až do večera, a nikde mu nedali ani “dobrý den”, ani suchý brambor. A když přišla noc, lehl si v nějaké kůlně, zavřel modrá očka a usnul. Jíra sedí na prahu a kouše dvacet liber slaniny. A co já budu za ním běhat, myslí si, já ho podřežu, a až bude mrtev, pochovám ho; vždyť ať ho pochovám kde chci, bude na tom místě ten poklad. Vytáhl nůž, plivl na něj a začal brousit o ocilku. Pak zkusil ostrí na nehtu, znova plivl na čepel a znova brousil, až to svištělo. A pak zkusil na nehtu a zase brousil.

Zatím zlodějíček šel do nejbližší vesnice, a aby to Jírovi zkazil, vypravoval všem lidem, že našel začarovaného tuláka a že na místě, kde bude pochován, leží poklad, a že loupežník Jíra jde s dědečkem, aby ten poklad vykopal. Sotva to sedláci slyšeli, řekl si každý, že také půjde za tím pokladem. Každý vzal pytel, strčil do něho pecen chleba nebo šrůt uzeného, chytil motyku nebo lopatu a hajdy za dědečkem.

Jíra tedy zrovna brousil nůž, aby němého tuláka podřezal. Když potřetí plivl na ostrí a potřetí začal brousit, až sršely jiskry, zvedl hlavu a viděl kolem dokola jakoby samé rudé uhlíky. To byly chtivé, planoucí oči těch, kteří přišli vykopávat poklad. A bodejť, řekl si Jíra, já toho dědka zabiju a pochovám, a oni mne pak zaženou a vykopou poklad sami. Takhle já nehraju, řekl si a jakoby nic dobrousil nůž a uřízl si ještě jeden kus slaniny. Dědeček tiše spal. Ale nikdo z těch, kdo šli za ním, nespál ze strachu, že by třeba někdo druhý dědečka odnesl v pytli a někde potají pochoval; tak seděli kolem kůlny, svítili na sebe krvavýma očima a ježili fousy.

Ráno se dědeček probudil, a nic se nedivil těm všem lidem; omyl si oči rosou a šel dál. Celý ten zástup lidí za ním, a každý se jen strkal, aby byl dědečkovi co nejbliž. V poledne tulák nevyžebal ještě ani kůrčičku chleba, i sedl si na kámen a chvěl se jako stébelko ve větru. Všichni sedli dokola, vytáhli z pytlů zásoby a jedli, ale jemu nepodal nikdo ani drobečku. A když zase

v noci šel dědeček spat, sesedli se všichni kolem něho jako vlci a žehnuli řevavýma očima a hlídali se a skřípali na sebe zuby, jako by se chtěli kousat. Tiše, tichounce Tiše, tichounce jako dítě spal v jejich středu dědeček.

A tak to bylo i den nato a třetí den a čtvrtý a pořád; jenomže lidí pořád přibývalo a všichni šli za pokladem a čekali, až němý dědeček umře. Všichni se nenáviděli a chtěli by se zabíjet; ale žádný se v tom průvodu nechtěl opozdit, a tak se jen ujídali žhavýma očima a syčeli na sebe a cvakali zuby. Byli mezi nimi chudí žebráci, kteří chtěli zbohatnout, a zloději a loupežníci, ale také zámožní lidé, kteří chtěli ještě víc zbohatnout, a ti jeli za dědečkem se žebříňáky a kočáry, aby ten veliký poklad mohli hned odvézt. Ti nejbohatší nešli za dědečkem sami, ale najali si strážu a detektivy, a ti nejslavnější detektivové jeli za ním v automobilech, a každý chtěl býti při tom, až tulák umře a bude pochován. Byl vám to průvod mnoha tisíc lidí, a v čele pořád ohnutý, němý dědeček s křivou hůlčičkou a modrýma očima. Všude zavírali dveře a vrata, když viděli ten divný průvod, a nikde už nedali tulákovi kousek chleba. A tak byl dědeček den po dni menší a scvrklejší, jen jeho oči byly modřejší a modřejší, jako by se dívaly z nebe.

Kdykoliv dědeček usedl, všichni sedli dokola a jedli a jemu nepodali. Nač ho ještě živit, myslili si, už dávno by měl umřít a nechat se pochovat. Ale starý tulák neumíral, třeba byl už skoro průzračný. A v noci, když spal, svítily dokola tisíce zlých očí rudými a zelenými ohýnky.

Jednou v noci šel spát dědeček na stoh slámy v širém poli. Kolem dokola sedí tisíce lidí a hlídají. Koně u vozů hrabou kopyty, automobily hrčí, lidé se ani nehýbají a skřípou na sebe zuby. Tu se smluvili nejmocnější z těch, co šli za pokladem, že té noci dědečka zabijí a rozřežou na kousky; každý z nich vezme kousek jeho těla a někde jej pochová, aby pak na tom místě našel poklad. I vzali nože a šli na dědečka.

V tu chvíli sjel z hvězdného nebe ohnivý anděl a dal dědečkovi smrtelné políbení. Stoh slámy zaplátl až do nebe

vysokým plamenem a strašně ozářil tisíce tváří, bledých zděšením a lakotou. Než se všichni vzpamatovali, stoh dočista shořel a ze spáleniště vyrazil ohromný sloup popele a vlétl všem lidem dokola do očí. Byl to popel z mrtvého dědečka.

Strašlivě pálily oči, do kterých padl jen prášek toho popela, a byly nadlouho oslepeny. Ale bolest pomalu přestala a oslepení vyplavalo se slzami, a tu zmizely těm lidem rudé a zelené ohýnky z očí a oni se rozhlíželi s úžasem. Viděli najednou chtivost a zjišťnost, která je hnala za pokladem, a všichni se zastyděli tak, že by se do země propadnout chtěli. A tu viděl jeden druhému na očích, že se hanbí a že by chtěl napravit svůj život; jeden pohlížel druhému až do srdce, kde se probouzela lítost a mírnost; najednou přestali vidět v sobě nepřátele a viděli v sobě lidi. To bylo pro ně něco tak nového, že rázem pochopili, že jejich oči jsou teď očarovány popelem z němého dědečka. Viděli najednou krásné hvězdy na nebi, nádhernější než všechno zlato, a viděli dobré stránky v duších lidí, a co viděli zlého, to v nich budilo jen lítost a žádné zášti. Tak opravdu našli největší poklad tam, kde byl dědeček tulák pochován, ve vlastních očích a jejich dobrém pohledu.

Od té doby se všichni dávno rozešli po světě, ale pořád ještě mají vlídné a očarované oči, kterými dovedou objevit všechno, co je krásného a dobrého v životě. Někdy potkáte takového člověka, a jen se na vás podívá, hned vám je, jako by vám řekl něco moc hezkého. Vždyť tuhle v Praze je jeden strážník, a ten byl tehdy detektivem a šel také za tím pokladem; ale protože mu skočil do očí popel němého dědečka, má teď očarované oči. Stojí na svém místě a dívá se, jak chodí lidé kolem; v každém vidí nějakou dobrou a svatou jiskřičku, třeba udušenou a zapomenutou. Kolem něho jezdí tramvaje a automobily, lidé spěchají za poklady a denními starostmi, a nikdo nemyslí na to, je-li kolem nich něco dobrého nebo pěkného. Ale ten strážník se dívá a vidí, co je v lidech skryto; a ten by vám také dosvědčil, že pohádky opravdu jsou, a že jsou mezi námi a v nás samotných.

Národní listy 25. 12. 1920

Примечания переводчика

Сказка Карела Чапека «О зачарованном нищем» впервые была опубликована 25 декабря 1920 года в пражской «Народной газете» (Národní listy), издававшейся с 1861 по 1941 год (была ликвидирована гитлеровскими оккупантами). В течение нескольких лет Карел Чапек к каждому Рождеству сочинял очередную сказку, которая в этот праздничный день публиковалась в вышеназванной газете. Большинство сказок затем вошли в авторский сборник Чапека «Девять сказок...» Но были и сказки, что в сборник не попали и гораздо менее известны читателям. Одна из таких – «О зачарованном нищем». Представленный здесь русский перевод сделан в октябре-ноябре 2016 года.

1. Упа и Метуе – небольшие реки в Чехии.

2. Собаки-русалки действуют в «Собачьей сказке» Карела Чапека, опубликованной впервые ровно за год до первой публикации сказки «О зачарованном нищем».

3. Чапек иронизирует по поводу известного чешского писателя Алоиза Йирасека (1851 – 1930), который, кроме прочего, писал патриотические произведения мифологически-легендарного направления, отчего заслужил у некоторых критиков репутацию сочинителя небылиц и фальсификатора.

4. Намёк на чешскую поговорку «Жареные голуби не летят в рот». Жареные голуби – популярное в Чехии блюдо.

5. Волкодлак или вовкулака – в поверьях славянских народов – оборотень, являющийся то волком, то человеком.

